

Светлана Дурягина

Время любить

Надежда Ивановна, учительница русского языка и литературы сельской школы, старалась жить правильно, то есть с пользой и для себя, и для окружающих. Муж оставил её с двумя детьми — уехал в город в поисках лёгкой жизни и приключений, да там и сгинул. Надежда Ивановна одна поднимала детей, которые как-то быстро выросли и улетели из родного гнезда: дочь вышла замуж и уехала с мужем-геологом аж на Камчатку, сын-моряк женился и жил во Владивостоке. Отпуск дети предпочитали проводить на зарубежных курортах и в родном селе появлялись крайне редко — и то на пару дней.

Надежда Ивановна поначалу очень страдала от одиночества, а потом увлеклась идеей волонтерства настолько, что, благодаря интернету, вступила в сообщество «Добровольцы России» и даже организовала у себя в селе такое же. Она с удовольствием помогала одиноким пожилым односельчанам, участвовала в различных акциях волонтерского движения.

Так бы спокойно и размеренно и текла жизнь Надежды Ивановны, вызывая чувство самоуважения и ощущения своей нужности людям, но тут началась специальная военная операция на Украине, и жизнь в стране изменилась. Люди разделились на тех, кто «за», «против» и «всё равно». Надежда Ивановна категорически была из тех, кто «за». В правильности своего выбора она убедилась, когда в селе появились беженцы с Донбасса.

Одна такая семья поселилась в пустующем доме по соседству: старик со старухой и молодая женщина, их дочь, с тремя детьми. Двое из них, девочка и мальчик, пришли в школу, в класс Надежды Ивановны. Измождённые и пугливые, они очень отличались от остальных детей. У девочки была изуродована кисть правой руки, и она училась писать левой, а у мальчика всё лицо иссечено осколками стекла. Как оказалось, они пострадали при обстреле Донецка украинской артиллерией. Во время перемены эти дети не носились по коридорам, как их сверстники, а тихо сидели за партой. Однажды во время урока, когда ветром сорвало лист железа с крыши школы и он с грохотом обрушился на землю, двойняшки с криком упали на пол, закрывая головы руками. Второгодник Ребров на последней парте засмеялся и тут же умолк, получив подзатыльник от соседа, а Надежда Ивановна со слезами на глазах бросилась поднимать и успокаивать детей.

Этот случай окончательно укрепил её в решении свой летний отпуск в этом году полностью посвятить волонтерству в зоне специальной военной операции. Внимательно следя за событиями на Донбассе по телевизору и в прессе, Надежда Ивановна поняла, что добровольцев, оказывающих помощь раненым в прифронтовых госпиталях и на передовой, не так уж и много. А раз она выбрала себе такую стезю, то надо быть последовательной до конца. Надежда Ивановна решила, что это лето она проведёт с максимальной пользой для своей сострадательной души и для тех, кто остро нуждается в помощи — тяжело раненных военных и мирных жителей Донбасса.

Но районный военком, к которому она пришла за советом на следующий день после окончания занятий в школе, не сумел скрыть сомнения в правильности её решения. Он критически осмотрел с высоты своего роста невысокую, хрупкую пятидесятилетнюю женщину и посоветовал ей не ехать туда, где грохочут взрывы и свистят пули: вытащить раненого ей всё равно сил не хватит, и сама погибнет зря.

— А вот в прифронтовых госпиталях санитарки и медсёстры очень нужны, — сказал военком.

Он посоветовал ей ехать в Белгород и там обратиться в военкомат, который направит её с другими добровольцами в какой-нибудь военный госпиталь.

И Надежда Ивановна, получив отпускные, сложила кое-какие пожитки в рюкзак и собралась в путь. О том, куда она едет, сказала только соседке, чтобы та присмотрела за домом. От соседки, как водится в деревне, узнали все, и перед отъездом дверь на веранду не закрывалась до поздней ночи: односельчане несли гостинцы бойцам — конфеты, печенье, сигареты, носки, нижнее бельё. Собрали и деньги на дорогу, хоть Надежда Ивановна и отказывалась их брать. Но её уговорили, наказав купить что-то нужное для раненых.

Заказав через интернет билет на поезд из Санкт-Петербурга, она приехала в Северную столицу накануне, намереваясь навестить подругу детства, а заодно и переночевать, так как поезд отправлялся в Белгород утром следующего дня.

Подруга детства и юности Вера, вместе с которой Надежда Ивановна училась в школе и в пединституте,

проживала в спальном микрорайоне, в новом двадцатичетырёхэтажном доме, на предпоследнем этаже. Вера не смогла работать в школе: дети её раздражали, деревенские кавалеры не соответствовали её понятиям о спутнике жизни, и она, кое-как отработав положенные три года в сельской школе, уехала к родственникам в Петербург. Они помогли ей устроиться на работу и получить комнату в рабочем общежитии. С личной жизнью у Веры тоже не вышло: работая в разных организациях, она несколько раз нарывалась на женатиков и в конце концов решила зря не трепать себе нервы в поисках спутника жизни. Она завела кота, записалась на курсы вождения автомобиля и стала копить деньги на квартиру.

Вера встретила Надежду Ивановну радушно и после радостных восклицаний, объятий и поцелуев накрыла на стол. Перед тем как отпраздновать встречу, она провела её по своей двухкомнатной квартире, явно гордясь апартаментами.

— Ну, как тебе у меня? — спросила Вера, наливая в бокал вино.

— Неплохо, — сдержанно оценила Надежда Ивановна.

— Чего-чего? Неплохо? Только и всего? — расхохоталась Вера. — Ну ты смешная! Это же Питер, детка!

— А ты в центре часто бываешь? В театр, на выставки ходишь? — спросила тихонько Надежда Ивановна.

— Какой центр?! Какие выставки, подруга?! У меня же ипотека! Я на трёх работах вкальваю. И все в разных концах города. Домой ночевать только прихожу, — взорвалась Вера.

— И сколько лет ты будешь выплачивать эту самую ипотеку? — сочувственно поинтересовалась Надежда Ивановна.

— Ну, если Бог здоровья даст, лет за десять управлюсь, — пережёвывая котлету, сказала Вера. — А ты так и живёшь в своей колхозной квартире?

— Да, моя трёхкомнатная квартира со всеми удобствами меня вполне устраивает, — улынулась Надежда Ивановна. — До работы десять минут ходьбы. Утром выйду на крылечко — воздух чистый, что родниковая вода. Хоть ковшиком пей. Птицы поют, цветы под окном благоухают...

— Ой, ну ладно, ладно, — оборвала подругу Вера. — Твоя любовь к родной деревне мне известна. А чего ты вдруг в Белгород собралась?

— Да хочу, пока в отпуске, в военном госпитале поработать.

— Чего?! — поперхнулась вином Вера. — Ты с ума, что ли, сошла? Там же кровь, грязь! Раненые мужики матом бредят. Да и ты ведь не медик, а учительница.

— В институте нам медицину преподавали, ты забыла, что ли? Да я и не претендую на должность медсестры, санитаркой поработаю. А магами меня не удивишь: среди простого народа росла.

— Ну ты чудная, подруга! — вздохнула Вера и, взглянув на часы, добавила: — Ладно, давай спать ложиться, а то утром рано вставать.

Но не успели они прибрать со стола, как на лестничной площадке завывла противопожарная сирена.

— Ну ёшкин кот! Неужто пожар? — побледнела Вера. — Давай, Надежда, бери чемодан и выходи, а я позвоню в пожарную часть.

Надежде Ивановне стало не по себе. Она вышла из квартиры, а через несколько минут появилась и разгневанная Вера с сумкой.

— Ты знаешь, что они мне заявили? — возмущённо сказала она. — Все машины на выезде. Ждите!

В это время на лестнице с верхнего этажа появилась женщина с собачкой на поводке. Она хладнокровно объявила:

— Успокойтесь, дамы. Всё хорошо. Это наш сосед опять курил под противопожарным устройством.

Вера выдохнула:

— Ну, слава Богу, обошлось! Надя, пойдём спать.

Надежда Ивановна приехала на вокзал пораньше и в купе несколько минут находилась одна. Она смотрела в окно на спящих по перрону людей и прислушивалась к себе: ощущение странности происходящего не покидало её с того момента, как она решила ехать к месту боевых действий. Где-то там, на западе, грохотали пушки, гибли люди, а тут, на вокзале, люди смеются, говорят о каких-то пустяках, едут отдыхать в Крым и за границу; кругом — реклама иностранных товаров, надписи на латинице...

Размышления Надежды Ивановны прервал ввалившийся в купе мужчина примерно одного с ней возраста. Он был нагружен несколькими сумками и громадным рюкзаком.

— Здравсьте! — басом сказал он. — Вы на какой полке едете?

— Я — на нижней, — коротко ответила Надежда Ивановна.

— Тогда мне придётся вас побеспокоить: позвольте багаж сложить к вам? Мне одного моего места мало.

Мужчина очень смахивал на медведя: среднего роста, широкоплечий, крепко сбитый, с густой щетиной на круглом лице, в вырезе футболки видны были волосы; шерсть у него росла даже на пальцах рук с коротко остриженными ногтями; глубоко посаженные умные маленькие глазки, казалось, просвечивали собеседника насквозь, как рентген. «Какой неприятный тип, не повезло мне с попутчиком», — подумала Надежда Ивановна.

Но когда рюкзак и сумки были устроены на места для багажа, мужчина выложил из сумки на столик жареную курицу, свежий хлеб, огурцы, помидоры, термос с чаем и, сделав приглашающий жест, предложил:

— Давайте позавтракаем вместе, а заодно и познакомимся. Вас как зовут? Меня — Михаилом.

При этом он широко и искренне улыбнулся, показав два ряда ровных белых зубов, и лицо его сразу изменилось, став добрым и даже слегка наивным. Надежда Ивановна не удержалась и хихикнула тихонько, подумав: «Вот, ещё и Михаилом назвали», — а вслух сказала:

— Я — Надежда Ивановна. Как основательно жена вас в дорогу собрала!

— Нет, это мама позаботилась. Женой я не обзавёлся пока что.

Надежда Ивановна подумала: «Видно, сильно работой занят, не до ухаживаний за барышнями». Она, в свою очередь, достала из сумки пирожки и бутерброды, которыми снабдила её Вера, и они стали пить чай. Чтобы наладить беседу, Надежда Ивановна спросила:

— А вы в Белгород по делам или в гости?

— В отпуск, — коротко ответил Михаил. — А вы?

— А у меня тоже отпуск. Решила проехать по чеховским местам. Антон Павлович неоднократно бывал в Белгороде во время своих путешествий по железной дороге на юг. У него родственники со стороны отца проживали в селе Ольховатка Воронежской губернии. Это неподалёку от Белгорода.

И тут выяснилось, что Михаил — на редкость начитанный человек, обожающий Чехова.

— Что вы говорите? — оживился попутчик. — Я очень люблю Чехова. Знаете за что? За краткость, которая, как известно, — сестра таланта. И за глубину этих маленьких рассказов. Вот, например, рассказ «Враги». Читали такой?

Надежда Ивановна пожала плечами:

— У Чехова я много чего читала, но не припомню этот рассказ. Мой самый любимый писатель — Бунин, у него я помню всё.

— Ну, там говорится о докторе, который не смог спасти своего шестилетнего сына от дифтерита. Ребёнок умирает у него на руках, а через пять минут после этого к нему приезжает аристократ, который просит врача поехать с ним к своей умирающей жене. Доктор, всю ночь бившийся со смертью, едва стоит на ногах. Он отказывается ехать в поместье и взывает аристократа к человечности, не желая оставлять больную жену одну рядом с трупом их единственного ребёнка. Но тот не отстаёт. Доктор вспоминает о законе, обязывающем его оказать помощь, и едет на лошадах за четырнадцать вёрст в поместье. Но оказалось, что жена аристократа притворилась больной и, пока он ездил за доктором, сбежала с его приятелем из дома. У аристократа — горе, доктор в бешенстве. Они становятся врагами. Доктор ненавидит и презирает не только этого конкретного человека, но и всё высшее общество, аристократ — тех, кто ниже него по положению, в число которых входит и доктор. А Чехов делает вывод, что несчастье не соединяет, а разъединяет людей.

— И он прав, — тяжело вздохнула Надежда Ивановна. — Посмотрите, как резко разделила

специальная военная операция наше общество. Так и до гражданской войны недалеко.

Михаил внимательно посмотрел на неё и спросил:

— Вы правда так думаете? И что же нас спасёт, по-вашему?

— Любовь к ближнему, — убеждённо ответила она.

Михаил хмыкнул, поскрёб пальцем щетину на щеке и, словно извиняясь за прекращение беседы, сказал:

— Вот, не успел побриться. А надо бы.

Он начал рыться в сумке, достал принадлежность для бритья и отправился в туалет. А Надежда Ивановна достала книгу и стала читать. Стук колёс укачивал, и она вскоре уснула.

С Михаилом они расстались на белгородском перроне. За ним приехали какие-то люди, а Надежда Ивановна взяла такси и отправилась в городской военкомат. Там, проверив её документы и волонтёрскую книжку, дали адрес госпиталя и помогли добраться, устроив на попутную машину с гуманитарной помощью.

Надежда Ивановна смотрела в окно фуры на грустные пейзажи: мелкие озёра, образовавшиеся в воронках от взрывов ракет и снарядов, блестящий в закатном солнце ковыль и разбитые дома с чёрными окнами, обгоревшую военную технику, собак с прилипшими к спине животами, рыщущих в поисках еды, опустевшие окопы. И ни одного человека. Проехали через реку по понтону, справа виднелся взорванный мост. У Надежды Ивановны было ощущение, что она смотрит какой-то фильм ужасов без озвучки. И только когда через открытое окно стали слышны далёкие разрывы и у кромки горизонта в небо поднялись клубы чёрного дыма от них, она поверила в реальность происходящего, и ей стало страшно.

Прифронтовой госпиталь жил своей повседневной жизнью. Медперсонал сновал по коридорам в разных направлениях, то и дело подъезжали машины с ранеными, их отправляли на носилках в приёмное отделение, где медсёстры с санитарками снимали с них запачканную одежду, делали первичную обработку. Начальник госпиталя, хмурый от недосыпа, предупредил Надежду Ивановну, что нельзя никому из родных говорить, где она находится, и попросил вытащить сим-карту из телефона. Ей показали, где комната для персонала, и она, переодевшись, сразу включилась в общий процесс. Получив ведро и тряпку, Надежда Ивановна отправилась в приёмное отделение сменить работавшую там санитарку.

Когда она вошла, врач и медсестра, склонившись над поступившим, видимо, прямо из окопа раненым, осторожно разрезали его перепачканную землёй и кровью, одежду. Фигура доктора показалась Надежде Ивановне знакомой, но особо присматриваться

было некогда. Она начала убирать грязь, но когда бойца увезли на каталке в операционную и врач, присев на кушетку, снял с лица маску, она страшно удивилась и не удержалась от возгласа:

— Михаил?!!

Он взглянул на неё и тоже удивился:

— Надежда Ивановна?! А как же чеховские места?

Оказывается, вы мне соврали, голубушка.

— А вы? Разве нет, Михаил?

— Петрович, — улыбаясь, подсказал доктор. —

По законам военного времени, я маскировался.

И он рассказал ей о том, что руководство больницы в Петербурге отказало доктору в командировке на Донбасс, поэтому он взял отпуск и поехал на войну сам. И это была уже не первая его поездка. В первый раз врач ездил на личной машине, захватив с собой некоторые медикаменты и оборудование. Михаил Петрович добрался до Донецка, а оттуда — до Луганска, где его определили в отряд в одном из подразделений вооружённых сил республики. Там он занимался эвакуацией раненых с поля боя. Вначале врач работал в семи километрах от линии фронта. По радиации ему сообщали, что везут раненых. Он с водителем забирал их на военной технике, а потом перегружал в медицинский узик и увозил в Луганск.

— Так вы, оказывается, опытный вояка! У вас есть чему поучиться, а я, признаюсь, приняла вас за эдакого увальня, мамино сына. Прошу прощения, — уважительно произнесла Надежда Ивановна.

Доктор расхохотался, потом сказал примиряюще:

— Бывает, что человека не за того принимают. По случаю установления моей истинной сущности предлагаю выпить по чашке чаю на брудершафт. Кажется, нам это удастся сделать, потому как поток раненых иссяк.

Они отправились в комнату для персонала, где круглосуточно работал кипятильник. Но спокойно попить чаю и поговорить им не дали: по внутренней связи доктора вызвали в операционную, а Надежда Ивановна в одиночестве допила чай и пошла мыть закреплённые за ней послеоперационные палаты. Их было четыре. Уборку там надо было делать три раза в сутки. Заходя в палаты в первый раз, она четыре раза повторила заготовленную заранее маленькую речь:

— Здравствуйте, воины! Давайте знакомиться. Меня зовут Надежда Ивановна, я буду следить за чистотой в палате. А ещё кормить того, кто не может есть сам. Прошу вас не стесняться и звать меня в любое время суток, когда нужно подать утку или ещё что-то сделать для вас. На стенке есть кнопка, нажмёте — и я сразу приду.

Мужчины оживлённо галдели, называя свои имена, спрашивая, откуда она приехала. Лишь один, из четвёртой палаты, с юным ещё совсем лицом и с толсто замотанными бинтом кистями и стопами странно коротких рук и ног, не издал ни звука, закрыл глаза и лежал неподвижно.

Надежда Ивановна сильно уставала: кроме уборки и кормления раненых, ей приходилось помогать медсёстрам во время перевязки. Поначалу вид жутких ранений бойцов вызывал у неё шок. Когда Надежда Ивановна впервые увидела ранение в голову, она обмерла, спросила медсестру:

— Боже мой... А это что?

Та ответила:

— Так снайпер работает.

Через несколько дней она знала истории раненых всех своих подопечных. Прибираясь в палате, Надежда Ивановна успевала поговорить с каждым из них. Бойцы, которым было от двадцати до тридцати лет, узнав о её профессии и видя её заботу о них, относились к ней уважительно — называли по имени-отчеству, старались не материться в её присутствии, рассказывали о своих семьях. Надежда Ивановна писала письма домой за тех, кто сам не мог этого сделать из-за ранения. Только парнишка из четвёртой палаты, лишённый рук и ног, никак не хотел идти на контакт. Он всё время молчал, отказывался от еды, когда она пыталась кормить его с ложки. А однажды ночью, заглянув в его палату, она услышала, как парень тихо плачет, скулит, как брошенный щенок, тонко и безысходно. У Надежды Ивановны от сострадания зашло сердце. Она на цыпочках подошла к его постели, склонилась над ним, вытирая его мокрые от слёз щёки, зашептала горячо:

— Чего ты, сынок?! Больно тебе? Сейчас позову медсестру, пусть укол сделает.

Парень неожиданно отозвался:

— Нет, не надо. Мне не больно, мне обидно.

Надежда Ивановна присела на край койки, удивлённо спросила:

— Тебя тут обижает кто-то? Скажи мне, я ему устройу выволочку!

— Мне на себя обидно и на судьбу. Знаете, как меня ранило? Во время затишья снял броник и каску... Жарко же!.. Вылез из укрытия... Там неподалёку родник был... Хотел попить и умыться... На мину нарвался, — парень вздохнул тяжело, со всхлипом. — Кто я теперь? Обрубок! Кому нужен такой?

Надежда Ивановна заторопилась успокаивать:

— Ну что ты, сынок?! Ты ведь герой! Ты родным своим нужен, стране своей!.. Моего деда, ветерана Великой Отечественной войны, из госпиталя выпи-сали с деревяшкой вместо ноги. Она ему культю так натирала, что штаны от крови намокали. А сейчас такие протезы ставят — будешь сам всё делать.

— Да кто со мной возиться-то будет? — удручённо прошептал раненый. — Я ведь детдомовский сирота. Мать от меня в роддоме отказалась. Нет у меня никого.

Надежда Ивановна внутренне охнула, а вслух спросила:

— Тебя как зовут? Откуда ты?

— Сашка я. Из Череповца. Добровolec.

— Э, да мы с тобой земляки! — обрадовалась Надежда Ивановна. — Не тужи, сынок. Народ у нас хороший, своих не бросает. Не пропадёшь. Я помогу тебе, Сашка. Ты давай поправляйся!

Наутро, войдя в четвёртую палату, она заметила устремлённый ей навстречу взгляд парня, в котором блеснула искорка радости, словно он увидел родственницу. Надежда Ивановна улыбнулась ему и кивнула. В полдень Сашка не отказался, как обычно, от еды и торопливо глотал суп с ложки, благодарно глядя санитарке в глаза. Соседи по палате заметили произошедшие с парнем перемены, и градус умиротворения в атмосфере значительно повысился — лица остальных раненых тоже повеселели, разговоры стали громче, смех зазвучал чаще. И у Надежды Ивановны стало как-то легче на душе.

Но вскоре трагическое событие, произошедшее в первой палате, выбило её из колеи. Здесь на аппарате жизнеобеспечения лежал двадцатичетырёхлетний боец, находившийся в коме уже несколько дней. К нему приехала мать. Она круглосуточно сидела возле него на стуле, пристально вглядываясь в неподвижное, желтоватое, как пергамент, лицо сына. Шевелила беззвучно губами, читая молитвы. Никто не видел её спящей. Надежда Ивановна едва уговорила женщину для поддержания сил хоть изредка выпивать стакан чая с сухариком. Всякий раз, когда Михаил Петрович приходил проверить состояние раненого, мать с мольбой смотрела на него и задавала один и тот же вопрос:

— Доктор, Васенька мой очнётся ведь?

И тот, стараясь не смотреть в наполненные до краёв болью глаза матери, отвечал уклончиво:

— Будем надеяться. Надо подождать.

Но однажды он ответил ей глухо, словно был виноват:

— Сейчас мы будем отключать бойца от аппарата. Вам нужно попрощаться с сыном.

Мать посмотрела на него непонимающим взглядом, а потом завывала страшно, как волчица, дико зарыдала.

Надежда Ивановна точно знала, что за каждого бойца медики бьются до остервенения. Не останавливаются. И спасают многих. Но иногда они не в силах вырвать воина из лап смерти, и тогда им больно так же, как и его родным. И у неё заболело сердце.

Вскоре Сашку отправили из госпиталя в петербургский реабилитационный центр. Прощаясь с ним, Надежда Ивановна сказала:

— Через две недели я тоже возвращаюсь домой. Обязательно найду тебя в Питере. Я не оставлю тебя, сынок. Будем вместе преодолевать трудности бытия. Жизнь наладится, вот увидишь! Главное — не падай духом. Ты теперь не один. Хорошо?

— Хорошо,.. мама Надя, — с запинкой ответил Сашка. — Можно, я так буду вас... тебя называть?

— Можно, сынок, — улыбнулась она и поцеловала бойца в бритую голову...

Через две недели Надежда Ивановна и Михаил Петрович пили чай в плацкартном вагоне поезда Белгород — Санкт-Петербург и вспоминали некоторые события своего двухмесячного «отпуска» на войне.

— Михаил Петрович, я всё хотела спросить: что у вас было в огромном рюкзаке, с которым вы ехали туда? — спросила Надежда Ивановна.

— Так, кое-что для операционной: инструменты, кое-какое оборудование, медикаменты. Там ведь этого всегда не хватает. Мы с коллегами скинулись и прикупили кое-что. У вас тоже чемодан был внушительный для вашей хрупкой фигуры, — улыбаясь, сказал доктор.

— Ну да, земляки гостинцев раненым насобирали. Не могла же я им отказать. Наши ребята деревенские тоже воюют и по призыву, и добровольцами.

Они помолчали.

— А вы что, серьёзно решили взять к себе жить совершенно постороннего человека? Детдомовца? Инвалида? — прихлёбывая из кружки горячий чай, спросил доктор.

— Да, — твёрдо ответила Надежда Ивановна. — Я Сашке обещала. Мы с ним много говорили. Он умный парень, программист. Вот сделают ему протезы, будет работать онлайн. У меня дома новенький ноутбук есть — подарок сына. И меня научит. А то устрою его в школу, будет кружок вести по информатике. Невесту ему найду. У нас в деревне незамужние учительницы есть, симпатичные.

— Удивительная вы женщина, Надежда Ивановна, — задумчиво сказал доктор. — Удивительная!

— Да нет, я обычная русская женщина...

— Которая, — подхватил Михаил Петрович, — как у Некрасова, и «коня на скаку остановит», и «в горящую избу войдёт», если обстоятельства того потребуют.

— Может быть, я ведь деревенская. Значит, это про меня.

— А я городской до мозга костей, врач в третьем поколении, но всегда мечтал быть земским доктором, как Чехов... А вам нужен такой доктор и... человек? — Михаил Петрович накрыл своей «медвежьей лапой» лежащую на столе маленькую руку Надежды Ивановны и глубоко заглянул в её серые, как петербургское небо, глаза. — Примете на жительство?

— Нужен, конечно, и моей деревне, и... мне, — смущённо улыбнулась она, и щёки её порозовели. — Приезжайте, мы будем очень вас ждать!